

Госпожа Парис / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Госпожа Парис / рассказ ГОСПОЖА ПАРИС

I.

Я сидел на молу небольшого порта Обернон, близ деревушки Сали, и любовался Антибом при закате солнца. Никогда не видел я ничего более захватывающего и более прекрасного.

Городок, замкнутый в тяжелые крепостные стены, возведенные Вобаном, вдавался в самое море, посреди огромного залива, на берегу которого расположена Ницца. Высокие морские валы разбивались о его подножие, окружая его облаком пены, а дома над крепостными стенами карабкались друг на друга до самых башен, устремленных в небо, как два рога античного шлема. И обе башни вырисовывались на молочной белизне Альп, на огромной и далекой снежной стене, заграждавшей горизонт.

Между белой пеной у подножия стен и белым снегом у края небес, на синеватом фоне предгорий, стоял сверкающий городок, и лучи заходящего солнца играли на пирамиде домов с бурыми кровлями, домов тоже белых и все же таких различных по оттенкам, что они казались чуть не разноцветными.

И самое небо над Альпами было почти белой голубизны, словно обесцвеченное снегом; кое-где у бледных вершин серебрились облачка, а по другую сторону залива Ницца прильнула к воде, белой ниткой протянувшись между морем и горами. Два больших латинских паруса, подгоняемые свежим бризом, казалось, бежали по волнам. Я смотрел, как замороженный.

Таки отрадные, необычные, чарующие взор картины проникают в душу и не забываются, как воспоминание о счастье. При этом живешь, думаешь, страдаешь, умиляешься, любишь глазами. Тот, кто умеет чувствовать зрением, созерцая одушевленные и неодушевленные предметы, испытывает такое же острое, изысканное и глубокое наслаждение, как человек с тонким и восприимчивым слухом, сердце которому будоражит музыка.

Я сказал своему спутнику, господину Мартини, чистокровному южанину:

– Пожалуй, никогда мне не доводилось любоваться таким редкостным зрелищем...

«Я видел, как на рассвете встает из песков гора Сен-Мишель, эта огромная драгоценность из гранита.

«Я видел в Сахаре, как серебрится при луне, яркой, точно наше солнце, озеро Райанешерги, протянувшееся на пятьдесят километров, и как витает над ним белый пар, молочным облаком поднимаясь к луне.

«Я видел на Липарских островах сказочный серный кратер Волканелло, он горит и дымится, этот гигантский цветок, желтый чудовищный цветок, распутившийся среди моря на стебле – вулкане.

«Так вот, я не видел ничего поразительнее, чем Антиб посреди Альп в лучах заката.

«И при этом мне почему-то не дают покоя античные реминисценции; мне приходят на память стихи Гомера, и кажется, что предо мною город древнего Востока, город из Одиссеи, Троя, хоть Троя и была далеко от моря».

Г-н Мартини достал из кармана путеводитель Сартти и прочитал:

– «Этот город первоначально был колонией, основанной марсельскими фокейцами около 340 до рождения Христова. От них он получил греческое наименование Антиполис, то есть «противогород», – город напротив другого города, ибо он действительно расположен прямо насупротив Ниццы, тоже колонии марсельцев.

Завоевав Галлию, римляне сделали Антиб муниципией; жители его получили права римских граждан.

Из эпиграммы Марциала мы знаем, что в его времена...»

Он собирался продолжать. Я перебил его:

– Мне все равно, каким он был. Говорю вам, что у меня перед глазами город из Одиссеи. Не все ли равно, азиатское это или европейское побережье; города и там и тут были схожи между собой, и по ту сторону Средиземного моря ни один город не пробуждал во мне с такой силой воспоминаний о героических временах.

Я обернулся, заслышав шаги, – женщина, высокая, черноволосая женщина шла по дороге, ведущей вдоль моря к мысу.

Г-н Мартини прошептал, напирая на последнюю букву имени:

– Это госпожа Парис, слышали?

Нет, я не слышал, но это случайно брошенное имя, имя троянского пастуха, давало новую пищу моей фантазии.

Все же я спросил:

– А кто такая госпожа Парис?

Он был явно поражен тем, что я не слышал ее истории.

Я уверил его, что ничего не знаю, и стал смотреть на женщину, которая шла, не видя нас, погруженная в свои мысли, шла медленной и величавой поступью, как, вероятно, ходили античные женщины. Ей было лет тридцать пять, и она была еще красива, очень красива, хотя несколько полна.

Вот что рассказал мне г-н Мартини.

II.

Г-жа Парис, урожденная Комбеломб, за год до войны 1870 года вышла замуж за чиновника г-на Париса. В ту пору она была юной красавицей, стройной и веселой, не то что сейчас, когда она располнела и стала печальной.

Нехотя согласилась она на брак с г-ном Парисом, пузатым человеком, из тех коротышек, что семят ножками в широких, не по росту брюках.

После войны гарнизонную службу в Антибе нес один-единственный пехотный батальон под командой г-на Жана де Кармелен, молодого офицера, отличившегося в последнюю кампанию и только что получившего четыре нашивки.

Майор Кармелен отчаянно скучал в крепости, в душной норе, зажатой в двойном кольце огромных стен, и потому часто уходил гулять на мыс, напоминавший парк или сосновый лес, открытый всем морским ветрам.

Там он встретил г-жу Парис, потому что и она летними вечерами приходила сюда под деревья подышать чистым воздухом. Как началась их любовь? Разве это узнаешь? Они встречались, смотрели друг на друга, а разойдясь, верно, вспоминали свои

встречи. Образ черноглазой и темноволосой молодой женщины, образ красивой и сочной южанки, которая улыбалась, сверкая зубами, витал перед глазами офицера, и, продолжая прогулку, он покусывал сигару, вместо того чтобы курить ее; а образ майора с закрученными белокурыми усами, в мундире, расшитом золотом, в красных рейтузах тоже, вероятно, проносился по вечерам перед взором г-жи Парис, когда муж, плохо выбритый и плохо одетый, коротконогий и пузатый, возвращался домой к ужину.

Они часто встречались и, верно, начали улыбаться, заведя друг друга; они часто видались и, верно, вообразили, будто знакомы. Он, должно быть, поздоровался, она удивилась и наклонила голову, чуть-чуть, как раз настолько, чтобы он не считал ее неучливой. Но к концу второй недели она отвечала на его поклоны уже издали, пока они еще не поравнялись.

Он заговорил с ней. О чем? Ну, конечно, о закате. И они принялись вместе восхищаться, любясь им больше в глазах друг у друга, чем на небе. И каждый вечер, в течение двух недель, они неизменно прибегали к этому избитому предлогу, чтобы поболтать несколько минут.

Затем они решились пройти вместе, беседуя на самые безразличные темы, но глазами они уже говорили друг другу то самое заветное, то сокровенное и прекрасное, что сквозит в ласковости, в умиленности взгляда, от чего сильнее бьется сердце, так как тут душа раскрывается больше, чем в признании. Затем он, вероятно, взял ее за руку и прошептал слова, которые женщина угадывает, как будто даже не слыша их.

И они поняли, что любят друг друга, хотя и не проявили свою любовь как-нибудь чувственно или грубо.

Она так и не пошла бы дальше этих нежных отношений — она, но не он, ему этого было мало. И с каждым днем он все более пылко уговаривал ее уступить его страстному желанию.

Она не сдавалась, не хотела и, казалось, твердо решила остаться непреклонной.

Однако раз вечером она промолвила как бы невзначай:

— Муж уехал в Марсель. Пробудет там четыре дня.

Жан де Кармелен бросился к ее ногам, умоляя сегодня же около одиннадцати вечера отворить ему дверь. Но она не стала слушать

и ушла, сделав вид, что рассердилась.

Весь вечер майор был не в духе, а наутро чуть свет уже свирепо шагал по крепости, обходя взвод за взводом, от музыкантской команды до учебной, и на офицеров и солдат, словно камни в толпу, сыпался град наказаний.

Но, вернувшись к завтраку, он нашел у себя под салфеткой записку в четыре слова: «Сегодня вечером, в десять». И без всякого повода он дал лакею пять франков на чай.

День тянулся для него бесконечно долго. Часть времени он потратил на то, что прихорашивался и опрыскивал себя духами. Когда он сел обедать, ему опять подали письмо. В конверт была вложена телеграмма:

«Дорогая, с делами покончил. Возвращаюсь сегодня вечером девятичасовым. Парис».

Майор так громко выругался, что лакей уронил суповую миску на пол.

Как быть? Он желал, чтобы она принадлежала ему сегодня же во что бы то ни стало, и он твердо решил добиться своего. Добиться любой ценой, пусть даже придется арестовать мужа и посадить в тюрьму. Внезапно у него мелькнула безумная мысль. Он приказал подать бумагу и написал:

«Сударыня! Он сегодня вечером не вернется, клянусь вам, а я буду в десять часов, где условлено. Не бойтесь ничего, за все отвечаю я, верьте чести офицера.

Жан де Кармелен».

Приказав отнести письмо, он спокойно пообедал.

Около восьми он попросил к себе капитана Грибуа, следующего за ним по чину, и сказал ему, вертя в руке смятую телеграмму господина Париса:

— Капитан, я получил телеграмму странного характера, содержание которой даже не имею возможности передать вам. Немедленно прикажите закрыть и охранять все ворота, ведущие в город, чтобы никто, слышите, никто не мог ни войти, ни выйти до шести утра. Разошлите по улицам патрули, а жителей обяжите

быть дома с девяти вечера. Тот, кто окажется на улице после этого часа, должен быть отправлен домой *manu militari* [1]. Если ваши люди встретят меня сегодня ночью, пусть сейчас же удалятся, даже не подав виду, что узнали меня. Поняли?

– Да, господин Майор.

– Вы отвечаете за выполнение приказа, капитан.

– Слушаю, господин майор.

– Не хотите ли рюмку шартреза?

– С удовольствием, господин майор.

Они чокнулись, выпили желтый ликер, и капитан Грибуа удалился.

III.

Марсельский поезд пришел точно в девять, высадил на платформу двух пассажиров и отправился дальше, в Ниццу.

Один пассажир, высокий и тощий, был г-н Сариб, торговавший прованским маслом, другой, толстый и маленький, г-н Парис.

Взяв чемоданы, они отправились вместе в город, находившийся на расстоянии километра.

Но, когда они дошли до ворот со стороны порта, часовые скрестили штыки и приказали им удалиться.

Растерявшись, смутившись, оторопев от удивления, они отошли в сторонку и обсудили положение; затем, посоветовавшись, робко вернулись и начали переговоры, назвав себя.

Но солдатам, верно, дано было строгое предписание, они пригрозили, что будут стрелять; и оба путешественника в ужасе пустились наутек, бросив чемоданы, чтобы быть налегке.

Они обошли крепостную стену и появились у ворот, на дороге в Канны. Но и эти ворота были на запоре и под охраной грозного караула. Г-н Сариб и г-н Парис, как люди благоразумные, не настаивали и вернулись на вокзал в поисках пристанища, так как после захода солнца за крепостными стенами было не безопасно.

Дежурный, ничего не понимая спросонья, разрешил им дожждаться утра в зале для пассажиров.

Там они и просидели рядышком на зеленом бархатном диване, без света, до того напуганные, что даже и не помышляли о сне.

Ночь показалась им очень долгой.

Около половины седьмого они узнали, что ворота открыты и что теперь наконец можно проникнуть в Антиб.

Они снова пустились в путь, но чемоданов, оставленных на дороге, уже не нашли.

Когда они, еще немного робея, прошли в ворота, майор де Кармелен, с лукавым видом и лихо закрученными усами, сам подошел, чтобы опросить их.

Затем он вежливо поклонился, извинившись, что по его вине они плохо провели ночь. Но он обязан был выполнить данное ему приказание.

В Антибе все умы были возбуждены. Одни говорили о внезапном нападении, замышляемом итальянцами, другие – о высадке императорского принца, третьи предполагали заговор орлеанистов. Истину узнали гораздо позднее, когда стало известно, что батальон г-на де Кармелена отправлен очень далеко, а сам майор примерно наказан.

IV.

Г-н Мартини окончил рассказ. Г-жа Парис возвращалась с прогулки. Она прошла мимо меня величавой поступью, устремив взор на Альпы, вершины которых розовели в последних лучах солнца.

Мне хотелось ей поклониться, поклониться печальной и обездоленной женщине, которая, верно, все еще вспоминает далекую ночь любви и отважного человека, не побоявшегося ради ее поцелуя ввести в городе осадное положение и загубить свою карьеру.

Теперь он, конечно, уже позабыл ее и, разве только подвыпив, рассказывает об этой дерзкой шутке, смешной и трогательной.

Виделись ли они еще? Любит ли она его и сейчас? И я думал: «Вот вам эпизод современной любви, нелепый и в то же время героический. Чтобы воспеть эту Елену и похождения ее Менелая, понадобился бы Гомер с душой Поль де Кока. А между тем герой этой покинутой женщины смел, неустрашим, красив, силен, как Ахиллес, и, пожалуй, хитрее Улисса!»

* * *

[1] Вооруженной силой (лат.).

Напечатано в «Жиль Блас» 16 марта 1886 года.

Вобан (1633 – 1707) – знаменитый французский военный инженер.

Гора Сен-Мишель. – Эта гора описана Мопассаном в «Орля», в «Легенде о горе св. Михаила», в «Нашем сердце» и др.

Марциал (р. ок. 40 – ум. ок. 102) – римский поэт.

Высадка императорского принца. – Речь идет о сыне Наполеона III, принце Эжене-Луи (1856 – 1879), который после смерти отца выдвигался бонапартистами в качестве претендента на французский престол.

Орлеанисты – французская монархическая партия, боровшаяся с Третьей республикой и состоявшая из приверженцев Орлеанской ветви королевского дома Бурбонов, правившей Фракцией в лице короля Луи-Филиппа с 1830 по 1848 год.

Елена... Менелай... Ахиллес... Улисс – герои древнегреческой эпической поэмы Гомера «Илиада».

Поль де Кок (1794 – 1871) – французский писатель.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994

Перевод И. Татариновой Neкаýalar